

Научная статья
УДК 94(47).065. “1741/1743”
doi: 10.17223/19988613/79/15

Русско-шведская война и французская дипломатия в первые годы правления Елизаветы Петровны (1741–1743 гг.)

Елизавета Михайловна Чедурова¹, Михаил Александрович Киндинов²

¹ Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия, chedurova@mail.ru

² Майминская средняя общеобразовательная школа № 1 им. Н.А. Заборского, Манжерок, Республика Алтай, Россия, Shikotus@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена русско-шведской войне 1741–1743 гг. Исследуются причины конфликта между Россией и Швецией. Рассматривается военная кампания на территории Финляндии 1742 г. Особое внимание уделяется анализу международной ситуации. Выявляется вмешательство французской дипломатии в русско-шведские отношения. Сделан акцент на деятельности послов Франции в России маркиза де ла Шетарди и шевалье Л. д'Альона.

Ключевые слова: Россия середины XVIII в., русско-шведская война, русско-французские отношения, маркиз И.-Ж. Т. де ла Шетарди, шевалье Л. д'Альон

Для цитирования: Чедурова Е.М., Киндинов М.А. Русско-шведская война и французская дипломатия в первые годы правления Елизаветы Петровны (1741–1743 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 123–131. doi: 10.17223/19988613/79/15

Original article

The Russian-Swedish war and the French diplomacy in the first years of board of Elizabeth Petrovna (1741–1743)

Elizaveta M. Chedurova¹, Mikhail A. Kindinov²

¹ Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation, chedurova@mail.ru

² Mayminskaya secondary school No. 1 n.a. N.A. Zaborsky, Altai Republic, Russian Federation, Shikotus@mail.ru

Abstract. The history of Russia of the 18th century is unique, as it is the era of the state formation. History of the 18th century poses many problems for the researcher, but also contains the answers to many questions of our time. In particular, this relates to the foreign policy of Russia and its relations with the European states.

Russia as a state was formed in regular military conflicts and the expansion of borders at the expense of neighboring territories. Sweden is a neighbour with which bilateral relations have a history of conflict. Throughout the XVIII century, two states regularly fought with each other, starting with the Northern War (1700-1721). Territorial disputes were supplemented by geopolitical contradictions in international relations of the middle of the XVIII century.

The aim of the research is to study the role of French diplomacy in the Russian-Swedish war of 1741-1743. The objectives of the study are to identify the relationship between Russian-Swedish and Russian-French diplomatic relations in the middle of the 18th century, to study the course of the Russian-Swedish war of 1741-1743 and trace the evolution of Russian-French relations in the period of 1741-1743.

The study is based on the analysis of archival documents from the funds of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Attention is paid to the study of published sources contained in the collections of the Imperial Russian Historical Society (SIRIO), as well as memoir sources. In addition to documentary materials, the emphasis is on the study of historical literature on the issue.

Sweden, weakened by the defeat in the Northern War, continued to claim the role of a regional power. Its policy was determined by the struggle of two parties: “hats” and “caps”, reflecting the interests of France and Russia. In an attempt to capitalize on Russia’s internal political crisis, Sweden declared war in 1741. The bottom line was to distract its neighbor from participating in the parallel pan-European war for the Austrian legacy.

Military operations showed that the Swedish army was not able to fight the Russian one. Victories gained by Field Marshal P.P. von Lassi forced the Swedish side to negotiate and conclude the Abo peace in 1743, which confirmed the conditions of Nishtad.

French diplomacy made every effort to take advantage of the palace coup in favor of Tsarevna Elizaveta Petrovna in 1741. A “Franco-Prussian party” was formed in Russia, led by Lestock, who played a significant role in the early

years of Elizabeth Petrovna's reign. Despite her love for France, the empress placed the interests of the state above her own. French diplomats were unable to participate in the negotiations in Abo. By 1743, the influence of the "Franco-Prussian party" began to weaken.

The policy of Louis XV, the opposite of the geopolitical interests of France and Russia, led to a cooling of bilateral relations, as Russia and France were not ready for a diplomatic union with each other.

Keywords: Russia the middle of the XVIII century, the Russian-Swedish war, the Russian-French relations, I.-Zh. T. de La Chetardie, L. D'Alion

For citation: Chedurova, E.M., Kindinov, M.A. (2022) The Russian-Swedish war and the French diplomacy in the first years of board of Elizabeth Petrovna (1741-1743). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 123–131. doi: 10.17223/19988613/79/15

Европа за свою тысячелетнюю историю пережила множество войн. Не стал исключением и XVIII в., в течение которого европейский континент сотрясали военные конфликты, эпизодически возникавшие локально в разных уголках или охватывавшие его практически полностью. Так, в 1740 г., в связи с кончиной императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга и непризнанием прав на трон его дочери эрцгерцогини Марии-Терезии, началась война за Австрийское наследство (1740–1748). Ведущие державы разделились на два противоборствующих лагеря: с одной стороны, Франция, Испания и Пруссия, с другой – Австрия, Великобритания и Голландия. Разгоревшийся общеевропейский конфликт не обошел стороной и Российскую империю, которая в результате победы над Швецией в Северной войне (1700–1721) заняла одно из главенствующих мест в так называемой Утрехтской системе международных отношений [1. С. 133], определявшей положение дел в Европе. Одним из показателей возросшего значения России являются заключенные ею союзные договоры с европейскими государствами. К моменту начала войны за Австрийское наследство такие двусторонние договоры были заключены с Австрией (1726) и Пруссией (1740), причем каждая из них рассчитывала на военную помощь со стороны Российской империи. Россия не спешила вмешиваться в общеевропейский конфликт. Тому было несколько причин; одной из них стала война, объявленная Швецией России 24 июля 1741 г. и продолжавшаяся до 1743 г. Ее особенностью были не сами накопившиеся проблемы во взаимоотношениях двух стран, а их тесное вплетение в международную обстановку и влияние, оказываемое ими на геополитический расклад сил в Европе середины XVIII в. Кроме того, спецификой военного конфликта было значительное влияние на него со стороны третьих стран, в первую очередь Франции, чьи интересы переплетались одновременно с интересами и России, и Швеции. Результаты войны оказали влияние как на русско-шведские, так и на русско-французские дипломатические связи. Изучение двусторонних отношений, процесса их выстраивания и влияния на них международной обстановки в условиях геополитического кризиса актуально и в наше время. Именно в них кроются ответы на многие современные вызовы, на их примере можно понять, как и на каких принципах Россия должна выстраивать взаимоотношения со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Русско-шведская война 1741–1743 гг. по сей день продолжает привлекать внимание исследователей. Ход

боевых действий и проведение кампаний были реконструированы еще в досоветской литературе [2, 3]. Но и современные историки не оставляют ее без внимания [4, 5]. Непосредственно вмешательство французской дипломатии в ход войны и проводимых русско-шведских переговоров также не остались в тени как отечественных, так зарубежных исследователей [6–9]. Также этот вопрос не обходят стороной и в биографических трудах, посвященных императрице Елизавете Петровне [10–12]. Дополнительный материал, который позволяет раскрыть изучаемую тему более полно, можно почерпнуть из работ, посвященных русско-шведским и русско-австрийским отношениям рассматриваемого периода [13–17]. Несмотря на то, что поднимаемую проблему уже исследовали многочисленные историки, все еще остается ряд белых пятен, на которые стоит обратить особое внимание.

Противоречия между двумя странами сохранялись со времен окончания Северной войны и подписания Ништадского мира 1721 г. И это несмотря на то, что граф М.П. Бестужев-Рюмин, российский дипломат и посланник в Стокгольме (1731–1741), сумел в августе 1735 г. продлить русско-шведский оборонительный союз, который был заключен в 1724 г., еще на 12 лет. Против продления данного союза выступал французский посол Кастедж. Шведское общество фактически разделилось на две части: сторонников России (умеренных) и ее противников. Кастедж создал сильную партию, преимущественно из молодежи, «опьяневшей от французского вина, – как говорил глава русской партии граф И.Л. фон Горн, – а также среди дам». Графиня Ливен, графиня де ла Гарди и баронесса Будденброк отличались жаром своих французских симпатий, тогда как в противоположном лагере едва ли не одна графиня Бонд привлекала к себе поклонников [8. С. 93]. Однажды графиня де ла Гарди, упрекая одного господина, имевшего неосторожность принадлежать к умеренным, сказала ему сгоряча: «Вы настоящие колпаки!» Стоявший около графини молодой офицер подтвердил ее слова, прибавив: «А мы шляпы!» [18. С. 52]. При наличии подобных настроений в 1736 г. на выборах победила партия «шляп», враждебных России, а после сейма 1739 г., проходившего в Стокгольме, отношение Швеции к России становилось все более неприязненным, тем более что большая часть министров нового правительства выступала за войну. Эти настроения также подогревались извне, со стороны ведущих держав Европы, в первую очередь Франции. Так, на выборах в сейм, проходивших в 1738 г., российский кан-

дидат Пальмфельд получил всего 140 голосов, а французский кандидат Телэн – подавляющее большинство. В тайной комиссии, состоявшей из 50 членов, М.П. Бестужев-Рюмин мог рассчитывать на преданность лишь пяти или шести человек. «Новый французский посланник граф де Сен-Северен явно брал верх», – констатировал польский историк К.Ф. Валишевский [8. С. 94]. Современник происходивших событий вышеупомянутый граф И.Л. фон Горн в своих записках в ярких красках изложил интриги французского дипломата: «Я близко видел начало и развитие интриг французского двора по поводу этого дела. Граф А.-Л. А. де Сен-Северен, тогдашний французский посланник в Швеции, в 1748 г. бывший полномочным министром на Аахенском конгрессе, не жалел ни усилий, ни денег, чтоб овладеть умами, а всем известно по опыту всех времен и всех стран, какой сильный рычаг деньги, особенно в правлении конституционном. Граф легко приобрел себе огромную партию в государственном сейме, и партия эта, которую он управлял по своему произволу, имела такой перевес, что сенаторы, предпочитавшие тишину мира весьма шатким выгодам новой войны с Россией, значительно усилившейся после поражения Карла XII, были уволены в отставку, и им было формально объявлено, что, несмотря на их верную службу, сейм не имел более доверия к их управлению» [19. С. 515]. В инструкции М.-А. де Бонуалю маркизу де Ланмари, сменившему в 1741 г. заболевшего графа де Сен-Северена, Ж.-Ж. Амело де Шиллу, статс-секретарь по иностранным делам, подробно изложил деятельность последнего и не преминул его расхвалить: «Король не может достаточно похвалить прекрасный образ действия графа Сен-Северена, старавшегося укрепить такое благоприятное расположение умов шведской нации и просветить ее еще больше относительно причин, которые должны побуждать ее вполне рассчитывать на дружбу короля и во всякое время предпочитать союз с ним союзу со всякой другой державой. Он сумел понравиться и королю шведскому (Фредрику I Гессенскому), и новому министерству...» [Там же].

О сути политики Франции в Швеции говорится и в «Записке, служащей инструкцией маркизу де ла Шетарди...», написанной в Компьене в июле 1739 г. Король Людовик XV, «возвышая и поддерживая Швецию, видит в ней единственное на Севере государство, дружба с которым может быть полезна и постоянна. В этих самых видах, в продолжение нынешнего сейма государственных чинов в Стокгольме, король не только заключил со Швецией трактат о субсидиях, но и употреблял все усилия, чтобы удалить из правительства в Швеции всех лиц, которые известны были своей преданностью Англии и России». Далее из текста записки становится понятно предназначение совершаемых действий: «...именно этому можно приписать ее (России. – Е.Ч., М.К.) решимость не давать более императору обещанного вспоможения и через то не остаться без своих лучших войск, как это делалось в три предыдущие кампании, когда это было можно по случаю совершенной безопасности» [18. С. 90].

Из текста обеих записок очевидно, что министерство иностранных дел Франции однозначно оставляло

за своим северным союзником роль орудия в своих руках, а выплачиваемые ею субсидии лишний раз подчеркивали зависимое положение скандинавской страны. В ожидании назревавшего конфликта кардинал Э. де Флери, епископ Фрежюский, воспитатель и первый министр короля Людовика XV, учитывая опыт предыдущих лет, заблаговременно решил подготовить «шведскую карту», чтобы использовать ее в нужное время. Дело в том, что Швеция, как и Турция к началу 1740-х гг., благодаря стараниям дипломатов и политике самого кардинала де Флери оказалась в сфере влияния Франции [5. С. 347]. Заинтересованность в разжигании войны на Севере проявил и ее союзник Фридрих II Прусский, который ничуть не скрывал от Г.-Л.-А. маркиза де Валори, французского посла в Берлине, цель своей политики. «Предупреждаю, что трактат наш рассыплется в прах, если вы не одержите полного успеха в Стокгольме, – шантажировал король дипломата, – ни на каких других условиях я не соглашусь быть союзником вашего короля» [10. С. 216–217]. В 1741 г., согласно секретному договору между Францией и Пруссией, первая должна была побудить Швецию к началу военных действий против России. На французский след указывал и М.П. Бестужев-Рюмин, в своем известии из Стокгольма о начале войны подчеркивая, что «событие непосредственно последовало за прибытием французского курьера из Парижа» [18. С. 55].

Опасения кардинала были очевидны и не беспочвенны, так как сложившаяся в 1740 г. обстановка в Европе и позиция России с подачи вице-канцлера А.И. Остермана не оставляли другого выхода. 2 декабря 1740 г. А.И. Остерман высказал правительнице Анне Леопольдовне предложение следовать союзу с Австрией. Ситуация усугубилась отставкой фельдмаршала Б.Х. фон Миниха 3 марта, и мнение «настоящего государя всея России» Остермана, политика с проавстрийской ориентацией, стало подавляющим. В апреле 1741 г. Россия определилась со своей позицией, сделав выбор в пользу Австрии. В конце мая был разработан план военных действий для русской армии [17. С. 283–284]. Приготовления России не могли не волновать Берлин и Париж. Король Пруссии Фридрих II в беседе с французским послом Ш.-Л.-О. Фуке герцогом де Бель-Илем 16 апреля высказывал в связи с этим серьезные опасения. Для того чтобы успокоить прусского монарха, маршал Франции обещал вторжение в Ингерманландию 15-тысячной шведской армии, которая «станет надежным барьером для Пруссии». В свою очередь, о приготовлениях Стокгольма в Санкт-Петербург доносил австрийский резидент Т. Антивари [17. С. 283].

Для выполнения своих союзнических обязательств и в стремлении вернуть утраченные в ходе Северной войны земли (1700–1721) Швеция 24 июля объявила войну России. Данное событие возымело свое действие. В связи с начавшейся русско-шведской войной Россия 19 сентября 1741 г. официально отказалась от оказания военной помощи Австрии до окончания военных действий. Несмотря на это, по мнению историка С.Г. Нелиповича, правительство А.И. Остермана было готово исполнить союзнический долг и планировало военную операцию против Пруссии на зиму–

весну 1742 г. Этим планам не суждено было сбыться, так как 25 ноября 1741 г. цесаревной Елизаветой Петровной был совершен дворцовый переворот при непосредственной поддержке французского посла маркиза Ж.-И. де ла Шетарди. В связи с этим прусский историк Й.Г. Дройзен отмечал: «Франция, одержала на Неве блестящую дипломатическую победу» [17. С. 290–291].

Если на дипломатическом фронте Версаль добился значительных успехов, опережая соперников, то на военном положение было кардинально противоположным. В свое время граф Т.А. де Лалли-Толендаль, французский дипломат и военачальник, посетивший Россию в 1737–1738 гг., в записке на имя кардинала Э. де Флери в мае 1738 г. в негативных красках описывал плачевное состояние Швеции. «При нынешних обстоятельствах Швеция подает разительный пример своего бессилия, и я не наобум уверяю вашу эминенцию, – писал Лалли, – что во власти России подавить Швецию в продолжение 10 лет, не обнажая меча» [18. С. 83]. Прогноз сделанный Лалли-Толендалем в 1738 г., в полной мере оправдал себя. Уже 20 августа 1741 г. шведская армия генерала К.Э. фон Левенгаупта потерпела сокрушительное поражение при Вильманстранде от русской армии под командованием генерал-фельдмаршала графа П.П. фон Ласси. Война, обещавшая быть быстрой, затянулась, активные боевые действия сменились позиционными.

Зимой–весной 1741–1742 гг. стороны постоянно обменивались локальными военными действиями при участии малочисленных отрядов. Сведения о передвижениях российских и шведских войск за этот период содержатся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [20–26]. В шведскую Финляндию совершались удачные походы небольшими отрядами казаков, в частности казаков под командованием полковника Серебрякова и бригадира И. Краснощекова, знаменитого казачьего походного атамана, который отличался невероятной силой и свирепостью, наводившего ужас на шведов и финнов [10. С. 158]. Зачастую шведская армия не могла своевременно оказывать сопротивление, так как была расквартирована в крепостях, в частности в Нейшлоте [21; 22. Л. 6–7]. Так, 5 марта донские казаки «в неприятельской земле без всякого от неприятеля препятствий до 140 дворов сожгли и добычею почил немало скота» [22. Л. 6]. 7 марта в результате действий казаков сожжено около 240 дворов. Ситуация доходила до того, что казачьи части ходили свободно по шведской территории и доходили до Нейшлота со стратегически важной крепостью Олафсборг севернее Вильманстранда (современный финский город Савонлинна). 8 марта 1742 г. генерал-фельдмаршал граф П.П. Ласси отправил отряд в составе двух гренадерских рот под командой майора Шинвина и донских казаков подполковника Абикина, которые «к 8 числу на рассвете учинили на осажденного неприятеля приступ и которого при помощи всемогущего Бога и Высочайшем Ея Императорского Величества счастья разбили». В результате сражения в плен были взяты со шведской стороны 1 поручик, 1 прапорщик, 3 унтер-офицера, 24 рядовых солдат, 74 мужика, имевших ружья, и убитыми 315 сол-

дат. Потери со стороны русской армии составили: 1 барабанщик, 1 казак, ранено 3 казацких старшины и 9 казаков [Там же. Л. 7]. Сражение является показательным, так как оно олицетворяет обстановку, сложившуюся на линии фронта. Боевые действия и сражения в Финляндии во многом похожи на него.

Шведская сторона не оставалась в долгу. Генерал Х.Х. фон Киндерман доносил от 15 апреля 1742 г., что отправленный им отряд из 50 казаков возвратился 7 апреля, но неприятеля они не встретили, так как за сутки до них шведский отряд покинул пределы России. Казаки проникли в пределы Финляндии на 20 верст до деревни Верцово. Взятого в деревне в плен мужика отправили в Кексгольм к генерал-майору В.В. Фермору [23. Л. 66].

Специальные меры предпринимались для защиты русских границ от вторжения шведских войск. Одной из таких мер стало направление отряда генерал-майора Х.Х. фон Киндермана в район Новой Ладоги для организации тракта от Олонца до Ладоги и расположения магазинов с провиантом при содействии гусарских полков и донских казаков. Несмотря на предпринятые меры, согласно донесению генерал-майора Фермора от 16 апреля 1742 г., шведским отрядом было совершено нападение на деревню Саерла [Там же Л. 67]. В донесениях говорилось об участвовавших случаях бегства финского населения на территорию России. В апреле 1742 г. был создан отряд под командованием шведского капитана Левинга, состоявший из трехсот конных и пехотинцев. Капитан Левинг отвечал за полон и возвращение беглого мужского населения во Фридрихсгам (по-фински Хамина) [24. Л. 6].

Основываясь на архивных данных, можно прийти к выводу, что на территории Финляндии шведская армия не располагала крупными военными соединениями, в частности вблизи российской границы. Наиболее крупный корпус был расквартирован во Фридрихсгаме: два полка пехоты и конной гвардии, – а также в окрестностях города располагались оставшиеся воинские части [Там же. Л. 2]. Генерал-фельдмаршал граф П.П. фон Ласси принял решение о нанесении основного удара именно по военному гарнизону, находившемуся во Фридрихсгаме. 8 марта 1742 г. из Выборга были выдвинуты дивизия генерал-аншефа Дж. Кейта, пять рот конной гвардии, гренадерские полки. Узнав о наступлении русской армии, шведские гарнизоны начали отступление в направлении города. При отступлении на реках и переправах сжигали мосты, которые необходимо было вновь восстанавливать для продвижения русской армии [25. Л. 1 3]. Спустя четыре месяца, 19 июля 1742 г., граф П.П. Ласси в рапорте сообщал о бегстве из Фридрихсгама шведской армии генерала К.Э. Левенгаупта, которая покинула крепость и отступила к Борго, разоряя по пути финские деревни, жители которых в большинстве бежали под защиту русских отрядов. Путь к крепости Нейшлот оказался открытым, тем более что в городе, по донесению перебежчиков, оставалась только одна рота Абоского полка. Было принято решение отправить туда генерала барона У.-Ф. В. фон Левендаля, генерал-майора графа Брюса с двумя драгунскими – Невским и

Олонецким – полками и походного атамана Ефремова. Кроме того, из Кексгольма от полковника Хрущева к Нейшлоту должны были выдвинуться донские казаки атамана Поздеева, гарнизонная рота гренадеров с офицером, владеющим немецким языком [26. Л. 3]. Шведские войска покинули Нейшлот и Борго, и вся шведская Финляндия была занята русской армией без сопротивления. Генерал Ж.-Л. Буске, сменивший на посту главнокомандующего шведской армией генерала К.Э. фон Левенгаупта, капитулировал и покинул Финляндию.

К концу 1742 г. ситуация для Швеции усугубилась. В декабре 1742 г. поступило донесение Хагеммана, жителя г. Або, в котором тот сообщал, что, находясь в Стокгольме, о подготовке для продолжения войны с Россией в высших кругах он не слышал. Он описывал плачевную картину состояния шведской армии и то, что в прибывших в Стокгольм из Финляндии полках было много больных солдат, и зимой немало из них умерло [20. Л. 24–24 об.].

В таких условиях продолжать военные действия для Швеции было бессмысленно и, более того, крайне опасно. Война завершилась подписанием мирного договора 16 июня 1743 г., «малое лихолетье» [14. С. 137] осталось позади. Переговоры проходили в г. Або на берегах Ботнического залива. Россию представляли барон И.Л. фон Люберас, граф А.И. Румянцев, А. Неплюев и генерал-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой, которые поддерживали курс «франко-прусской партии» при дворе. В частности, вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин так характеризовал И.Л. фон Любераса, посла России в Стокгольме: «...по всем своим натуральным склонностям добрый швед и француз... Вместо Любераса в Швецию отправить не соблаговолить, то и рассуждаю, что всегда прибыточнее будет россиянина дурака да верного подданного, нежели иноземца изменника в такое важное дело употребить...» [27. С. 30]. Остальные представители вызывали у него не больше оптимизма.

В шведскую делегацию входили барон Э.М. фон Нолькен и граф Г. фон Цедеркрейц. Эрик Матиас фон Нолькен (1694–1755) – опытный дипломат, хорошо знавший Россию, принимал участие в Аландском конгрессе (1718–1719), в 1725–1726 гг. в составе посольства Й. Седершельма побывал на берегах Невы, а с 1738 по 1741 г., заменив Й. фон Диттмера, представлял интересы Швеции в России. Впоследствии его дело продолжил сын Юхан Фредрик, который занимал эту должность при Екатерине II с 1773 по 1788 г. [28. Vol. 2. P. 186–187]. К началу переговоров его авторитет и влияние в стране пошатнулись, как сообщал Хагемман, «Нолькен не в кредите состоит» [20. Л. 24–24 об.]. Герман фон Цедеркрейц (1684–1754) – политик и дипломат, неоднократно посещавший Россию. С 1722 по 1727 г. исполнял обязанности посланника при русском дворе. После окончания русско-шведской войны 1741–1743 гг. и нормализации отношений между двумя странами возглавил посольство Швеции в России (1744–1745) [28. Vol. 1. P. 172–173]. Таким образом, видно, что на переговоры в Або с обеих сторон были отправлены опытные дипломаты, знающие проблемы

во взаимоотношениях между двумя странами и нацеленные на поиски взаимовыгодного компромисса.

На протяжении всей военной кампании Франция не оставляла воюющие стороны без своего внимания. Более того, она предложила себя в качестве посредника на переговорах, что было согласовано со шведской стороной, но данное предложение было отвергнуто Россией [7. С. 72–75; 9. С. 249–251]. Вопрос о посредничестве достоин отдельного подробного исследования. Остановимся на рассмотрении ряда принципиально важных моментов, связанных с деятельностью французских дипломатов в России.

Маркиз Ж.-И. Т. де ла Шетарди, сыграв определенную роль в дворцовом перевороте 25 ноября 1741 г. и будучи приближенным к императрице, вовлеченным в формирование ее первого правительства, увяз в российской политике, как в болоте [11. С. 150], и не смог повлиять на ход русско-шведских переговоров. Летом 1742 г. он покинул Россию, а его место занял первый секретарь посольства шевалье Луи д'Юссон д'Альон, находившийся в этой должности с конца 1736 г. Перед прибытием в Россию шевалье был секретарем посольства в Турции. Он хорошо знал русский язык. Первый раз он посетил Россию в последние годы правления Петра I в составе посольства графа Ж.-Ж. де Кампредона. Учитывая эти обстоятельства, министр Амело возлагал большие надежды на д'Альона, считая его способным заменить маркиза Шетарди и добиться успехов в налаживании русско-французских отношений, в частности навязать французское посредничество в русско-шведских переговорах [29. P. 283–388]. Несмотря на отказ от посреднических услуг, неутомимый дипломат не раз предлагал свою помощь в примирении воюющих держав. 5 ноября 1742 г. он сообщал в Париж, что канцлер А.М. Черкасский в очередной раз отказался от участия Франции в переговорах между Россией и Швецией [30. С. 414–419]. На этом д'Альон не остановился: продолжая поддерживать тесные отношения с лейб-медиком графом И.Г. Лестоком, графом О.Ф. фон Брюммером, гофмаршалом Великого князя Петра Федоровича, он находился в курсе почти всех дел. В частности, лейб-медик приписал себе идею отправить вторым комиссаром для переговоров со шведами генерала Любераса, столь неугодного вице-канцлеру. Также он сообщал, что отношения с генерал-прокурором стали налаживаться ввиду того, что Н.Ю. Трубецкой с ним стал весьма любезен [Там же. С. 431]. Учитывая сложившуюся обстановку и необходимость постоянно вести переговоры с обеими сторонами, д'Альон для координации действий вел регулярную переписку как с Нолькеном, так и с французским послом в Стокгольме маркизом Ланмари. В письме от 3 декабря 1742 г., отправленном из Москвы к последнему, он сообщал о своей занятости хлопотами в пользу герцога Цвайбрюкенского, кандидата на трон Швеции. Поскольку он не мог открыто противодействовать кандидатуре герцога Голштинского, он соблюдал крайнюю осторожность. Более того, он сообщал Ланмари о своих соображениях о том, что Елизавета Петровна, возможно, согласится на мир на прежних условиях Ништадского мира [Там же. С. 435–437].

Для понимания причин двойственного поведения французской дипломатии стоит обратить внимание на то, что Швеция занимала особое место во французской внешней политике, и ее ослабление повлекло бы падение французского влияния в регионе. Поэтому необходимо было исправлять сложившуюся ситуацию. И здесь на помощь французской дипломатии пришла сама императрица Елизавета Петровна, настоявшая на условиях, приемлемых для шведской стороны, но также устраивающих и русскую сторону [16. С. 5]. Таким условием было избрание наследником шведского трона принца Адольфа-Фридриха Гольштейн-Готторпского, епископа Любского, вместо герцога Гольштейн-Готторпского Петра Ульриха, которого желали видеть сами жители [20. Л. 24–24 об.]. Кандидатура епископа Любского устраивала и Францию, король Людовик XV был готов содействовать защите его интересов, о чем Амело сообщал 24 декабря 1742 г. д'Альону. При этом министр высказал надежду на сближение Франции и России в связи с провозглашением принца Гольштейн-Готторпского наследником российского престола [30. С. 453–456]. Данное условие Амело подтвердил и в разговоре с князем А.Д. Кантемиром, русским послом во Франции, состоявшемся в феврале 1743 г., уверив последнего, что маркизу Ланмари в Стокгольме будет предписано не противодействовать планам царицы, успех которых ускорит водворение мира на Севере; в связи с этим и д'Альон был вынужден согласовывать свои действия с Ланмари [Там же. С. 510–514].

Из этого единодушия видно желание прекратить войну, ставшую обузой для всех заинтересованных сторон, что делало их готовыми идти на компромисс. Более того, примирение открывало новые возможности для развития трехсторонних отношений. На первый план выдвинулась идея союза России и Швеции. Французские дипломаты не остались в стороне. Шевалье д'Альон уже 20 июля 1743 г. писал в Стокгольм Ланмари, что «Франция всеми силами должна стремиться к участию в этом договоре, прежде всего надо предоставить действовать Швеции». Об этом же сообщал ему из Парижа сам Амело [31. С. 43–50]. При этом министр остужал своего подчиненного, который, как и его предшественник маркиз де ла Шетарди, увлекся возникшим вопросом. Амело со свойственной ему осторожностью и недоверчивостью относительно отношений с Россией вновь рекомендовал д'Альону не спешить в вопросе русско-шведского союза, а во всем советоваться и согласовывать свои шаги с маркизом Ланмари [Там же. С. 67]. В ответе на меморию маркиза де ла Шетарди и его замечания к инструкции, которая готовилась для его возвращения в Россию, министр был более категоричен.

Маркиз, остававшийся не у дел после возвращения в Париж, продолжал интересоваться вопросами, касающимися России, поэтому, как только у него появился шанс вновь заявить о себе, он не преминул им воспользоваться и развил активную деятельность. Так, в августе 1743 г. он написал для правительства Франции два документа. В составленной им мемории от 2 августа он дал анализ отношений, сложившихся в результате заключения мира между Россией и Швецией, и

указал, как Версаль мог использовать достигнутые результаты в своих интересах. «...Гольштинский двор является звеном, соединяющим русский престол со шведским. Франции предстоит укрепить эту связь и извлечь из нее наибольшие выгоды. Продолжать выплачивать субсидии Швеции, иначе ее привлекут другие... – размышлял Шетарди. – Россия же несравненно способнее произвести диверсию, благоприятную для Франции, нежели Швеция. Личная симпатия Елизаветы Петровны облегчает сближение России и Франции...» Далее маркиз приходит к мысли о том, что «ввиду особой важности договора с Россией следовало бы постепенно привлечь к нему Швецию, Польшу и Порту... Франция явилась бы, таким образом, узлом всеобщего единения и установила бы систему, которой так добивался Петр I, а следовательно, не чуждую его дочери...» Но высказанные идеи дипломата не были поддержаны в Версале; более того, первый секретарь министерства иностранных дел дю Тейль в своих замечаниях к мемории назвал союз с указанными государствами смешным [Там же. С. 52–58]. Несмотря на жесткую реакцию со стороны руководства, маркиз не оставлял своих идей. Так, в замечаниях к проекту инструкции от 31 августа он вновь вернулся к теме: «Заключение мира между Россией и Швецией могло бы послужить поводом для предложения царице союза со Шведами. Другие державы могли бы также присоединиться к нему...» Ответ министра был короток: «Нельзя» [Там же. С. 71–75].

Современные шведские историки считают, что «шляпы» отделались легким испугом» и территориальные уступки были незначительны [13. С. 268; 15. С. 136], что вполне подтверждается последовавшими событиями после подписанного мира в Або. В том же 1743 г. русская армия и флот выступили в поддержку Швеции против претензий, предъявленных Данией на шведский трон в пользу их претендента [2. С. 100; 3. С. 268–269]. Генералу Дж. Кейту, возглавлявшему российский корпус в Швеции, Елизавета Петровна дала секретный указ, согласно которому русская армия не должна была принимать активных боевых действий вне пределов страны. «Ежели король шведский требовать будет дабы вам с находящимися под вашей командой войском в Норвегии действительно против датчан идти, в таком случае надлежит вам ответствовать, что вы с тем войском наиглавнейше для содержания у них шведов внутренней тишины присланы, – писала Елизавета Петровна 23 сентября 1743 г. – А в дальнейший поход против датчан неотписавшись идти отважится не можете, и о том вам писать к нам и ожидать Указа, и сей Указ вам в таком высшем секрете содержать, дабы датчане о сем отнюдь проведать не могли и для того вам сего Указа никому из подчиненных своих не объявлять» [32. Л. 14]. Данным демаршем императрица продемонстрировала свое влияние на дела Северной Европы и укрепляла отношения между Россией и Швецией, стремясь при этом не рассориться с Данией и сохранить межгосударственные дипломатические отношения, не доводя их до серьезного обострения. Кроме того, не участвуя в боевых действиях армия сохраняла жизни своих солдат.

События 1741–1743 г. показывают, что Елизавета Петровна продемонстрировала не только незаурядные дипломатические способности, устанавливая мир у северных границ своей страны, но и дальновидность политика, просчитывающего свои действия на несколько ходов вперед. Незначительные территориальные приобретения являлись главным тому свидетельством. Они устроили как Швецию, так и Францию, так как ее союзник не понес серьезных территориальных потерь, которые могли бы подорвать экономику страны и привести к потере остатков влияния в Балтийском регионе. В условиях Абоского мира прослеживается еще одна черта, свойственная русской императрице: она не забывала оказанных ей услуг. Это как нельзя точнее характеризуют слова самой Елизаветы Петровны по поводу приобретенных земель: «Лучше нам оставить за собою малое, да нужное, а шведам уступить большее и им полезное, а нам ненужное». Трудно не согласиться с мнением историка Н.И. Павленко о том, что «это была завуалированная расплата за неоказанные Швецией услуги императрице» [12. С. 122].

Отношения России с ее северным соседом в середине XVIII в. испытывали влияние со стороны Франции, и наоборот, отношения России и Франции выстраивались с оглядкой на Швецию. События первых лет царствования Елизаветы Петровны являются наглядным отражением этих процессов. Поражение в войне не ухудшило двусторонние отношения, более того, эффект оказался обратным. Стоит отметить, что период 1743–1745 гг. стал одним из немногих, когда взаимоотношения двух стран были не только спокойными, но и дружескими. Так, Адольф-Фредрик по прибытии в Стокгольм в качестве коронного наследника не преминул сообщить о «счастливом Его Высочества туда прибытии» Елизавете Петровне. Полковник Линген, привезший грамоту от Его Величества короля Швеции и королевского Высочества в подарок получил 1 000 червонных [33. Л. 58]. В бытность своего посещения Финляндии в 1752 г., уже в качестве короля, Адольф-Фредрик вновь извещал российскую императрицу об этом через полковника барона Стирнелда. Елизавета Петровна, в свою очередь, с поздравлениями направила полковника Мельгунова [34. Л. 23–24]. Более того, в 1745 г. был заключен оборонительный союз между странами, который подписан все теми же Нолькеном и Цедеркрейцем. Тайные статьи договора обязывали Швецию прийти на помощь как в случае действий в интересах голштинского герцога (т.е. против Дании), так и при возможных «беспорядках» в Польше. Союз с Россией 1745 г. принес шведскому правительству русские субсидии и возможность беспощинно закупать большое количество зерна из Лифляндии [1. С. 137]. Э.М. фон Нолькен по случаю заключенного договора получил в подарок 3 000 руб., а покинувший Россию чрезвычайный посол барон фон Цедеркрейц – 8 000 руб. [33. Л. 109–111].

Важно отметить, что потепление между Россией и Швецией совпало с аналогичным периодом в русско-французских отношениях, который закончился в 1745 г. очередным обострением как в русско-французских, так и в русско-шведских дипломатических связях.

В середине XVIII в. одним из театров англо-французского противостояния была Балтика. Именно здесь решалась политическая судьба Европы, разделившейся на противоборствующие военные блоки и погрязшей в борьбе за Австрийское наследство. Швеция в 1741 г., под влиянием французской дипломатии и верная своим союзническим обязательствам, выступила против России.

Русско-шведская война 1741–1743 гг. оказала влияние на ход как международных отношений, так и внутренних процессов в самой России. Петр I, развязав в 1700 г. Северную войну, отвлек Швецию от участия в европейском конфликте из-за Испанского наследства (1701–1714) вследствие пресечения там правящей династии Габсбургов. В войне 1741–1743 гг. можно наблюдать обратную картину: на этот раз Швеция, являясь послушным орудием в руках французских политиков, связала руки России, которая уже была готова поддержать свою союзницу Австрию, где, в свою очередь, пресекалась прямая линия династии Габсбургов.

Русско-шведский конфликт стал поводом для дворцового переворота, совершенного 25 ноября 1741 г. дочерью Петра I цесаревной Елизаветой. Вступив на престол, Елизавета Петровна столкнулась с проблемой формирования нового курса внешней политики страны и необходимостью скорейшего завершения войны.

Дворцовый переворот открыл новые возможности в развитии русско-французских отношений, налаживании дружественных связей. Этому способствовали профранцузская ориентация новой императрицы, положение при дворе французского дипломата маркиза И.-Ж. Т. де ла Шетарди и сформированная «франко-прусская партия» во главе с лейб-медиком императрицы И.Г. Лестоком, целью которой было сближение с Францией и отдаление от Австрии [35. С. 139]. Франция, руководимая выдающимся политиком и государственным деятелем кардиналом Э. де Флери, не сумела извлечь выгоды из сложившейся благоприятной обстановки на севере Европы. Стремление поддержать интересы Швеции и при этом закрепить связи с Россией не дали ожидаемого результата. В Версале недооценили состояние России и ее влияние в Балтийском регионе. Желание Елизаветы Петровны на равных участвовать в европейских делах осталось без должного внимания. В свою очередь, императрица не смогла резко и однозначно изменить курс внешней политики, переориентировать Россию с австро-английского на франко-прусский альянс. Ключевым словом, характеризующим период с 1741 по 1743 г. в русско-французских отношениях, является «недоверие». Иначе говоря, Россия и Франция не были готовы к союзу.

Русско-шведская война закончилась подписанием в 1743 г. Абоского мира, по которому Швеция подтвердила условия Ништадского мира 1721 г. и передала России часть Финляндии по реке Кюмени. Хотя «русско-шведский конфликт оказался всего лишь разменной монетой в большой европейской политике» [4. С. 78], он выполнил свое предназначение. В последствии Фридрих II писал, что одним из факторов, обеспечивших его успех в Силезской войне, было именно нападение Швеции на Россию [36. С. 157].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что взвешенная политика Елизаветы Петровны, проводимая в отношении Швеции, опиравшаяся на жесткость и уверенность в своих силах, позволила Российской

империи не только сохранить спокойствие на своих северных рубежах, укрепить свое влияние в Стокгольме, но и обратить внимание русской дипломатии на Запад.

Список источников

- Санин Г.А. Геополитические факторы во внешней политике России во второй половине XVII – начале XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М. : Наука, 2007. С. 104–136.
- Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 599 с.
- Шпилевская Н. Описание войны между Россиею и Швецией. СПб. : Тип. Якова Трея, 1859. 281 с.
- Петрухинцев Н.Н. Трагедия «малой» войны // Родина. 1997. № 10. С. 77–82.
- Широкоград А.Б. Северные войны России / под общ. ред. А.Е. Тараса. М. : АСТ, 2001. 848 с.
- Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Университетская тип., 1892. 469 с.
- Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762 гг. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2010. 376 с.
- Валишевский К.Ф. Царство женщин. СПб. : Лениздат, 2005. Т. 2. 272 с.
- Валишевский К.Ф. Дочь Петра Великого. М. : Мир книги, 2007. 432 с.
- Анисимов Е.В. Афродита у власти: царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ : Астрель, 2010. 605 с.
- Лештенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М. : Астрель, 2012. 635 с.
- Павленко Н.И. Елизавета Петровна. М. : Мир энциклопедий Аванта+ ; Астрель, 2008. 430 с.
- Андерссон И. История Швеции / пер. со швед. Н.А. Каринцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1951. 408 с.
- Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 359 с.
- Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденберг С. История Швеции : пер. со швед. М. : Весь мир, 2002. 400 с.
- Анисимов М.Ю. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу // Отечественная история. 2004. № 6. С. 3–17.
- Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М. : Квадрига, 2010. 408 с.
- Маркиз де ла Шетарди в России, 1740–1742 гг. / подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань : Александрия, 2010. 560 с.
- Гордт. Записки шведского дворянина // Древняя и Новая Россия. 1880. № 7. С. 509–569.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 157.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 158.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 164.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 159.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 167.
- РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 171.
- Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартенева. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1871. Т. 2. 650 с.
- Hofberg H., Neurlin F., Millqvist V., Rubenson O. Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, 1906. Vol. 1, 2. URL: <http://runeberg.org/sbh/> (дата обращения: 15.01.2016).
- Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / avec une Introduction et des notes par A. Rambaud. Russie. Paris, 1890. Vol. 8. 500 p.
- Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди и уполномоченного министра д'Альона французскому правительству и ответы министерства : с 12 декабря 1741 г. по 29 апреля 1743 г. : сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 100. 587 с.
- Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди и уполномоченного министра д'Альона : с 30 апреля 1743 г. по 11 января 1746 г. : сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 105. 665 с.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1101. Оп. 1. Д. 79.
- РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 86.
- РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 88.
- Киндинов М.А. Заграничная поездка вице-канцлера М.И. Воронцова по Европе 1745–1746 гг. как фактор формирования внешнеполитического курса России в царствование Елизаветы Петровны // Клио. 2016. № 1 (109). С. 137–144.
- Собко Е.М. Участие России в войне за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 156–159.

References

- Sanin, G.A. (2007) Geopoliticheskie faktory vo vneshney politike Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII veka i Vestfal'skaya sistema mezhdunarodnykh otnosheniy [Geopolitical factors in Russia's foreign policy in the second half of the 17th – early 18th centuries and the Westphalian system of international relations]. In: Tikhvinsky, S.L. (ed.) *Geopoliticheskie faktory vo vneshney politike Rossii. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [Geopolitical factors in Russia's foreign policy. Second half of the 16th – early 20th century]. Moscow: Nauka. pp. 104–136.
- Ordin, K.F. (1889) *Pokorenie Finlyandii* [Conquest of Finland]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
- Shpilevskaya, N. (1859) *Opisanie voyny mezhdu Rossieyu i Shvetsiey* [Description of the war between Russia and Sweden]. St. Petersburg: Tip. Yakova Treya.
- Petrukhintsev, N.N. (1997) Tragediya “maloy” voyny [The tragedy of the “small” war]. *Rodina*. 10. pp. 77–82.
- Shirokorad, A.B. (2001) *Severnye voyny Rossii* [Northern Wars of Russia]. Moscow: AST.
- Bezobrazov, P.V. (1892) *O snosheniyakh Rossii s Frantsiey* [On the relations between Russia and France]. Moscow: Universitetskaya tip.
- Cherkasov, P.P. (2010) *Elizaveta Petrovna i Lyudovik XV. Russko-frantsuzskie otnosheniya 1741–1762 gg.* [Elizabeth Petrovna and Louis XV. Russian-French relations 1741–1762]. Moscow: T-vo nauch. izdaniy KMK.
- Valishevskiy, K.F. (2005) *Tsarstvo zhenshchin* [Kingdom of Women]. Vol. 2. St. Petersburg: Lenizdat.
- Valishevskiy, K.F. (2007) *Doch' Petra Velikogo* [Daughter of Peter the Great]. Moscow: Mir knigi.
- Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti: tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite in Power: The Reign of Elizabeth Petrovna]. Moscow: AST: Astrel'.
- Lishtenan, F.-D. (2012) *Elizaveta Petrovna. Imperatritsa, ne pokhzhaya na drugikh* [Elizabeth Petrovna. An Empress Like No Other]. Moscow: Astrel'.
- Pavlenko, N.I. (2008) *Elizaveta Petrovna*. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+; Astrel'.
- Andersson, I. (1951) *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. Translated from Swedish by N.A. Karintsev. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

14. Kan, A.S. (1999) *Shvetsiya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem* [Sweden and Russia in the past and present]. Moscow: RSUH.
15. Melin, Ya., Johansson, A.V. & Hedenborg, S. (2002) *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. Translated from Swedish. Moscow: Ves' mir.
16. Anisimov, M.Yu. (2004) Rossiya i Shvetsiya v seredine XVIII veka: ot konfrontatsii k soyuzu [Russia and Sweden in the middle of the 18th century: from confrontation to union]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 3–17.
17. Nelipovich, S.G. (2010) *Soyuz dvuglavykh orlov. Russko-avstriyskiy voennyi al'yans vtoroy chetverti XVIII v.* [Union of double-headed eagles. Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century]. Moscow: Kvadriga.
18. Tsepkov, A.I. (2010) *Markiz de la Shetardi v Rossii, 1740–1742 gg.* [Marquis de la Chétardie in Russia, 1740–1742]. Ryazan: Aleksandriya.
19. Hordt. (1880) Zapiski shvedskogo dvoryanina [Notes of a Swedish nobleman]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 7. pp. 509–569.
20. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 108.
21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 157.
22. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 158.
23. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 164.
24. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 159.
25. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 167.
26. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 171.
27. Bartenev, P.I. (ed.) (1871) *Arkhiv knyazya Vorontsova* [Prince Vorontsov's Archive]. Vol. 2. Moscow: A.I. Mamontov.
28. Hofberg, H., Heurlin, F., Millqvist, V. & Rubenson, O. (1906) *Svenskt biografiskt handlexikon*. Stockholm: [s.n.]. [Online] Available from: <http://runeberg.org/sbh/> (Accessed: 15th January 2016).
29. France. (1890) *Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française*. Vol. 8. Paris: [s.n.].
30. Imperial Russian Historical Society. (1897a) *Doneseniya frantsuzskogo posla pri russkom dvore markiza de la Shetardi i upolnomochennogo ministra d'Al'ona frantsuzskomu pravitel'stvu i otvety ministerstva: s 12 dekabrya 1741 g. po 29 aprelya 1743 g.* [Reports of the French ambassador at the Russian court, the Marquis de la Chetardie and the authorized minister d'Allon to the French government and the responses of the ministry: from December 12, 1741 to April 29, 1743]. Vol. 100. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
31. Imperial Russian Historical Society. (1897b) *Doneseniya frantsuzskogo posla pri russkom dvore markiza de la Shetardi i upolnomochennogo ministra d'Al'ona: s 30 aprelya 1743 g. po 11 yanvarya 1746 g.* [Reports of the French ambassador to the Russian court, the Marquis de la Chetardie and the authorized minister d'Allon: from April 30, 1743 to January 11, 1746]. Vol. 105. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1101. List 1. File 79.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1329. List 2. File 86.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1329. List 2. File 88.
35. Kindinov, M.A. (2016) Voyage of the Vice-Chancellor M.I. Vorontsov to Europe in 1745–1746 as a factor of formation of Russian foreign political course in the period of the reign of Elizabeth Petrovna. *Klio*. 1(109). pp. 137–144.
36. Sobko, E.M. (2006) *Uchastie Rossii v voyne za Avstriyskoe nasledstvo (1740–1748 gg.)* [Russia's Participation in the War of the Austrian Succession (1740–1748)]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 156–159.

Сведения об авторах:

Чедурова Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: chedurova@mail.ru

Киндинов Михаил Александрович – учитель истории и обществознания Майминской средней общеобразовательной школы № 1 им. Н.А. Заборского (Манжерок, Республика Алтай, Россия). E-mail: Shikotus@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chedurova Elizaveta M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: chedurova@mail.ru

Kindinov Mikhail A. – Teacher of History and Social Studies, Mayminskaya secondary school No. 1 n.a. N.A. Zaborsky (Manzherok village, Altai Republic, Russian Federation). E-mail: Shikotus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 19.01.2019; accepted for publication 07.09.2022